

Анатолий Бергер

Продорожки созвездия

серия • seria •

Анатолий Бергер

Продрогшие созвездия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20974091

Анатолий Бергер Продрогшие созвездия: Юолукка; Санкт-Петербург;

2014

ISBN 978-5-904699-28-4

Аннотация

Первая книга Анатолия Бергера «Подсудимые песни» вышла в 1990 году. До перестройки имя поэта, осужденного в 1969 году за свои произведения по статье 70 УК РСФСР (за антисоветскую пропаганду и агитацию), было под запретом. «Продрогшие созвездия» – двенадцатая книга Бергера. Здесь избранные стихи – начиная с шестидесятых годов и до наших дней (по десятилетиям), проза – рассказы, воспоминания, маленькая повесть «Стрелы огненные» о любви Владислава Ходасевича и Нины Берберовой, «Внезапные заметки». Пьесы – «Моралите об Орфее» написана в 1968 году, действие в ней перенесено из античности в средние века, где певца, естественно, арестовали, а кэзэбисты шестидесятых годов двадцатого столетия сочли это аллюзией на наши дни и, также естественно, включили «Моралите» в «состав преступления», вторая пьеса «Посмертная ремарка» написана уже в девяностые, в ней поэт, рассматривая версию об авторстве шекспировских произведений, подымает

навсегда злободневную тему – об авторстве и самозванстве. Завершают книгу статьи «Судьба русского поэта в эмиграции на примере Владислава Ходасевича», «Пером вечности» о феномене Фёдора Тютчева и «Автобиография». При оформлении обложки использовался фрагмент картины бельгийского художника Поля Дельво (1897–1994) «Вечерний поезд» (1957 г.)

Содержание

Шестидесятые	10
«Уходит время, как уходит поезд...»	10
«Музыка грустная, как старые фотографии...»	11
«От Невской бестолковой бучи...»	12
«Изнемогая от жары...»	13
«О, брейгелевская зима...»	14
«Куда Фонтанка заведёт...»	15
«Нева вздымалась пенисто...»	16
«Он бури жнёт и ветер сеет...»	17
«Апрель, морозы взяв с разбега...»	18
«Рассвета слышу леденящий голос...»	19
«Вспоминаются женщины...»	20
«Пока слова звучали ни о чём...»	21
Лене	22
«Я по следам любви...»	23
«Моих любовных неудач...»	25
«Расстаться – разнести вконец...»	26
«Друг друга узнают поэты...»	27
«То окружают знатоки...»	29
«Я обречён, как волк на вой...»	31
«Говорят обо мне по латыни...»	33
«В самые опасные места...»	34

«На полустанке, что за Мгой...»	36
«Сердцем чувствую помертвелым...»	38
Из цикла «Россия»	39
Монолог летописца	40
«Кнут солёный, жаровня, дыба...»	42
Декабрист	43
«Народовольческую дурь...»	45
«Солдатских писем ворох...»	47
Народное	49
Памяти Ключева	51
Смерть Сталина	53
«Знаю, дней твоих, Россия...»	54
Семидесятые	56
Горесть неизречённая	56
I	56
II	57
III	58
IV	59
V	60
VI	62
VII	63
VIII	64
«Что случилось, что же случилось...»	66
«То украинскую мову...»	67
«В умывальной враз на бетон...»	69
«Господи, Господи, Боже мой...»	71

«Осень зимняя. Утро ночное...»	72
«Как ты снишься отчаянно, Стрельна...»	73
«Осень, осень шумит в ушах...»	74
«Сновиденья мои ночные...»	75
«Кончается, кончается, кончается...»	76
«Где корки хлеба да объедки...»	77
Лене	79
Сон	81
«Обними меня крепче...»	82
«Душа устала. Сникли строки...»	83
«Только видеть тебя...»	84
Переговорный пункт	85
«В Сибири татарским прозванием...»	86
«Река встаёт и громоздится...»	87
«Деревеньки мои, деревушки...»	88
«Дрожью бьющие туманы...»	89
«Здравши хвост, телёнок скачет...»	90
«Сегодня утром лист пошёл...»	91
«Я сослан к вам, леса притихшие...»	92
«Перестал ходить паром...»	93
«По Тубе пошла шуга...»	94
«Магнетный запах бензина...»	95
«И что нам Блок, когда б не строки...»	97
«Приснился вождь былых времён...»	98
«Про зиму: «Вновь снегами дарит»...»	100
А.И.Солженицыну	101

«Далёкие тасую страны...»	103
«О, родные письма...»	105
Овидий	107
«Туман над заливом. Набрякли веки...»	108
«Год замешательства...»	109
«А когда вспоминается детство...»	110
«Отталкивая пятками медуз...»	111
«О чём бормочешь, парк старинный Стрельнинский...»	112
«В конце глухого ноября...»	113
«В этом веке я так же случаен...»	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Анатолий Бергер

Продрогшие созвездия

Поэзия Анатолия Бергера в русской литературе явление особенное. В большей своей части это философская лирика, тёмный мятущийся поиск последней правды в обрывочных сновидениях, в таинствах жизни окружающей природы: жизни неба и земли, моря и суши. И главное – душа человеческая в её взаимоотношениях с течением Времени, с происходящим, но невидимым человеческому глазу бытием Вселенной. Совсем кратко: взросление души и жизнь Времени – вот суть поэзии Бергера.

Если говорить о частностях – его отличает поразительная зоркость в описаниях природы. Как сказал как-то поэт Игорь Бурихин – он с природой на ты. Он видит то, что не видно, слышит то, что не слышно.

В шестидесятые годы Анатолий Бергер создал цикл «Россия», в котором осмысливал путь и судьбу страны, прозорливо предугадывая времена, через десятилетие пришедшие. С той поры тема России не отпускает поэта. Горько и пронзительно звучат его слова и сегодня, да и бывшие слова шестидесятых годов так же злободневны сейчас, как и тогда. Глубокое знание мировой истории, живое её воссоздание – примечательная черта поэзии Анатолия Бергера. За стихи 60-х годов удостоился он высшей советской награды – тюрьмы,

лагеря, ссылки. Стихи об этих годах одни из самых сильных на подобные темы. Проникновенны его строки о любви.

Проза Анатолия Бергера – его воспоминания, рассказы, пьесы, статьи дополняют его поэзию. Он и здесь превосходно владеет словом, его русским языком заслушаешься. Всё это талантливо, самобытно, неповторимо.

Предлагаемая книга – малое собрание сочинений, избранное, как писали в XIX веке. Поэту в 2013-м году исполнилось 75 лет, и он предьявляет нам итог созданного им за все эти годы.

*Тамара Петкевич,
Член Союза писателей России*

Шестидесятые

«Уходит время, как уходит поезд...»

Уходит время, как уходит поезд,
И огоньки мерцают вдалеке,
Уходит время, как уходят двое,
В туман и мглу бредут рука в руке.
1962

«Музыка грустная, как старые фотографии...»

Музыка грустная, как старые фотографии,
За душу хватающая чуть не до слёз,
Зимние окна, как эпитафии
Осени, которую ветер унёс.

Деревья, снежной белены объевшиеся,
Машины, скользящие туда-сюда,
Сами себя по кривой объехавшие,
Оставляя два долгих следа,

Будильник, сон берущий приступом,
Как танки врываются в мирные дома,
Всё это старой болезни приступы —
Поэзии, которая сводит с ума.

1962

«От Невской бестолковой бучи...»

От Невской бестолковой бучи,
Где шум, огни и толчея,
К великолепному созвучью
Колонн и неба вышел я.

Там, под квадригой театральной
При свете призрачных лампад
Так по-осеннему опально
Шуршит и облетает сад.
1964

«Изнемогая от жары...»

Изнемогая от жары
И в ней барахтаясь, как в тине,
Провижу в луже я миры,
Как бы оазисы в пустыне.

Разбрызгивая небосвод
И зыбкую архитектуру,
Я чувствую стихов полёт,
Таинственную их фактуру.

Бальзамом ото всех скорбей
Переливается их гамма,
А рядом скачет воробей
И пьёт из лужи той же самой.
1964

«О, брейгелевская зима...»

О, брейгелевская зима,
О, пригородные пейзажи!
Дома стоят, как терема,
Деревья в белом камуфляже.

И птицы чёрные вдали,
Постукивание вагона,
И небо на краю земли
Белёсо, призрачно, наклонно.

Среди прохожих, проводов,
И уплывающего дыма
Молчание глубинней слов
И, как простор, неизмеримо.
1964

«Куда Фонтанка заведёт...»

Куда Фонтанка заведёт,
Темнея сумерками арок?
Её неторопливый ход
Сродни поэме без помарок,

Колеблются в ней деревца,
Дрожат, мерещатся фасады,
И превращениям нет конца
Старинной призрачной ограды.

И если с берега клонясь,
В своё глядеться отраженье,
С самим собой теряешь связь
И погружаешься в движение

Воды, забыв на берегу
Дома, деревья, крик ребячий
И самого себя в придачу...

1967

«Нева вздымалась пенисто...»

Нева вздымалась пенисто,
И ветер бил взахлёст,
И волны взъерепенисто
Вставали в полный рост.

Носились чайки с криками
Над тёмною водой,
И было всё уликами
Прощания со мной.

1961

«Он бури жнёт и ветер сеет...»

Он бури жнёт и ветер сеет,
В жестоком кружится снегу...
Я не могу с тобою, Север,
И без тебя я не могу.

Твои продрогшие созвездия
И сопок дальняя гряда —
И наивысшая поэзия,
И безысходная беда.

И сумасшествие метели,
Тумана сумрак и дурман...
Всё это снится не во сне ли,
Всё это явь или обман?

И город мой вдали, как небыль
В мостах и зданиях своих.
Я жив иль мёртв? Я был иль не был?
Я — выбитый из колеи.

1963

«Апрель, морозы взяв с разбега...»

Апрель, морозы взяв с разбега,
Теплом пробился с вышины,
И выступают из-под снега
Приметы северной весны.

Пучки травы, коричневатый
Унылый мох среди камней,
На них лишайника заплаты.
И самый первый воробей.

И моря синее открытье,
Ошеломляющее взгляд...
Весна на севере событие —
О ней всю зиму говорят.

1964,

Баренцево море, остров Витте

«Рассвета слышу леденящий голос...»

Рассвета слышу леденящий голос
И ветра дикий ведьминский полёт;
Я вспоминаю смутный, спящий город,
В котором молодость моя живёт.

Его мосты над тёмною водою
И улицы при свете фонарей,
Старинных зданий колдовство ночное,
И звёзды, как дыхание детей.

Влюблённые, бродяги и поэты
Одни его внимают бытию,
Даря ему шаги и силуэты,
А он им – душу зыбкую свою.

И в тишине таинственной, как небо,
В преддверьи наступающего дня,
Как чудная и призрачная небыль,
Спит город мой, в котором нет меня.

1962,

Заполярье

«Вспоминаются женщины...»

Вспоминаются женщины,
Те, с которыми был,
Их покорная женственность,
Шёпот, шалости, пыл.

Тех ночей недосказанность,
Та непрочность тепла,
Та бессвязность, несвязанность,
Что томила и жгла.

И прощаний обыденность,
И волнение встреч,
Что-то чаялось, виделось,
То, чего не сберечь.

Было начерно, набело,
Страсть, и зависть, и злость,
Только грусть иногда берёт,
Что любить не пришлось.

1963

«Пока слова звучали ни о чём...»

Пока слова звучали ни о чём,
Глаза вели свой разговор безгласный —
Старинный, убедительный и страстный,
Железо всех законов шло на слом,

Шелка трещали, обдавало жаром
Распятых губ, покорной наготы,
А для других на кромке тротуара
Так чуждо говорили я и ты.

1964

Лене

Ничего с собой не поделаю,
Никуда от себя не скрыться,
Я люблю тебя вечность целую,
Ты мне стала ночами сниться.

И прощаю тебе непрошено
Мою муку, тоску и верность,
И души моей, в сумрак брошенной,
Нерастраченную безмерность,

Мои строки, тебя клеймящие,
Осуждение друзей порою,
Потому что ты – настоящая,
И сияет сердце – тобою.

1965

«Я по следам любви...»

Я по следам любви
Ищу тебя упорно,
Ведут следы твои
Меня дорогой торной.

Меж ямин и канав
Измаян я ходьбою,
Кто прав, а кто не прав —
Судить не нам с тобою.

Не плачу и не мщу,
Не путаюсь в причинах,
В кафе тебя ищу,
Среди рядов Гостиных.

Но занят столик наш,
В толпе твой путь неведом,
Да и пустая блажь —
Бежать вслепую следом.

Быть может, ты уже,
Верна своей природе,
На новом рубеже,

На новом переходе.

Чужую колею
Пронзаешь каблучками,
Забыла про мою,
Про всё, что было с нами.

Разлуки тёмной дрожь,
И в ней по-рыбы бьёшься...
Ты хоть во сне придёшь?
На старый след вернёшься?
1966

«Моих любовных неудач...»

Моих любовных неудач
Смотри, строка, не обозначь,
Ты, интонация, не выдай,
Ты, рифма, не рифмуй с обидой,
Да сгинет скорбь моя во мне,
Как будто это всё во сне.
Поэзия – лихой помощник —
Ей только покажи подстрочник
Пустынной улицы ночной,
Где расставались мы с тобой,
Шум электрички подземельной —
И сумрачность тоски смертельной,
Когда в туннеле скрылся стук
И я один остался вдруг.

1968

«Расстаться – разнести вконец...»

Расстаться – разнести вконец
Сплав изболевшихся сердец,
От неустройств, от неудач,
Обид, ревливости – хоть плачь.
Расстаться – это значит врозь
Всё то, что пережить пришлось.
Нет, не могу – хоть кровь из жил,
Я не был без тебя, не жил,
Не знал, не ведал, не умел —
Единство душ, единство тел —
От этого нельзя, невмочь
Уйти, сбежать ни в день, ни в ночь.
Любимая, прости. Я вдруг
Представил – ты ушла из рук...
1966

«Друг друга узнают поэты...»

Друг друга узнают поэты
В коловороте городском,
Как будто вправду есть приметы
И нимб старинный над челом.

Идёшь... Размокла мостовая,
И снег слинял и чёрен лёд,
Сосульки, с желобов свисая,
Сорвутся на землю вот-вот.

Шныряет ветер. Никнут крыши,
И прослезились провода,
И в пятнах водяных афиши.
И с окон зимняя слюда

Сошла. Деревья ветви тянут,
И вдруг, посередине дорог
Глаза в глаза внезапно глянут,
Как бы столкнутся гулы строк,

Подспудных замыслов размахи,
И сгинула вся смута дел,
Сквозь лермонтовский амфибрахий

Поющий ангел пролетел,

Свечи заколебался пламень,

Над Русью коршун кружит вновь.

Воспетый и оживший камень

За праведную вопит кровь.

1967

«То окружают знатоки...»

То окружают знатоки,
Говоруны и острословы:
Им препарировать с руки
Летящее, как ангел, слово.

То стихотворцы с мастерком,
В самовлюблённости глухие:
Им с окровавленным виском
Не падать на снега России.

То женщина от слёз темна
Бросает жёсткие упрёки,
Что жизнью жертвует она,
Которой не окупят строки.

То близким уж не вмоготу
И тяготит их беспокойство
За будущую нищету
И нынешние неурейства.

Кому – игра, кому – исток
Крутой печали и тревоги,
И праведный потомок строг,

Скупые подводя итоги.
1967

«Я обречён, как волк на вой...»

*Поэт обречён на стихи,
Как волк на вой.
Андрей Белый*

Я обречён, как волк на вой,
Переживать строку строкой.
Пока в своём лесу глухом,
Где под ногами бурелом.
И мох, и заячьи следы,
Где – далеко ли до беды —
Кружу без устали, невмочь —
Зубастая крадётся ночь.
Сквозь хряск, и хруст, и вскрик, и стон,
Которые со всех сторон
Доносятся, томясь, спеша,
Бегу. Меня стремится душа
К поляне, где пустынен мрак,
Быстрее мой бег, бесшумней шаг,
И вот над смуглой мглой ветвей
Ребячьих светлых снов светлей
Сияет, плавный бег струя...
И к небу вой поднимаю я.
А завтра снова лес, зверьё,
Жизнь, смерть, и каждому своё.

Но есть во мне иная суть —
Мне только б на луну взглянуть.
На этот блеск над головой...
Я вечно обречён на вой.
Я обречён, как волк на вой,
Перемогать строку строкой.
1966

«Говорят обо мне по латыни...»

Говорят обо мне по латыни,
Точно холод вдруг душу кольнул.
О, лекарственный дух поликлиник!
Не триклиния праздничный гул.

Напряжённость, боязнь и унынье,
И, быть может, судьбы перелом.
Говорят обо мне по латыни,
Шепчет мёртвый язык о живом.

1964

«В самые опасные места...»

*Посылать в самые опасные места
(Предписание Николая I начальству Лермонтова на
Кавказе, 1840 г.)*

В самые опасные места —
Жребий твой, поэзия, от века,
Там, где выживет один из ста,
Да и то останется калекой.

В свару императоров и пап,
Воровских притонов мир мытарский,
В когти инквизиторových лап,
В сумасшествие тюрьмы феррарской.

И на яacobинский эшафот,
И на снег кровавый злости светской,
И в тридцать седьмой тот лобный год —
В лагеря «законности советской».

В самую горячку, в самый страх,
В самую лихую передрагу,
Что горит потом огнём в стихах,
Чуть не прожигая вдрызг бумагу.

И из этого исхода нет,
Всё предрешено, как в царской фразе:
«До свиданья, господин поэт.
Доброго пути Вам на Кавказе».

1967

«На полустанке, что за Мгой...»

На полустанке, что за Мгой,
Где пустыри, деревья, снег,
В глубокой полночи глухой
Попал под поезд человек.

Тот поезд шёл во весь опор,
Попробуй-ка останови,
Светил пустынно светофор,
И мёртвый он лежал в крови.

И в тот же час, и в тот же миг,
В иных краях, на всех парах
Шли поезда, и тот же крик,
И та же кровь, и тот же страх!

Статистика внезапных бед,
Проклятие из рода в род,
Нам от неё спасенья нет —
Кто обречён, того убьёт.

Кто и не ведает о том,
И знать не знает ничего,
Что под слепящим фонарём

На рельсах тех найдут его.

1969

«Сердцем чувствую помертвелым...»

Сердцем чувствую помертвелым,
Замирая, едва дыша,
Как душа расстаётся с телом,
Расстаётся с телом душа.

Удержать бы её, да где там,
Сил нет пальцем пошевелинуть,
Час прощания с белым светом,
Не избыть его, не минуть.

В смертном мраке охолоделом,
Над вселенскою пустотой,
О, как страшно остаться телом,
Оболочкой навек пустой.

1968

Из цикла «Россия»

В полевых да охотничьих
Ты названиях, прозвищах,
То по-птичьи бормочущих,
То по-волчьею воющих.

То пахнёт в них пожарищем,
То военною смутою,
То народным мытарищем,
Властью деспота лютою.

То печалью церковною,
Когда медленный звон плывёт,
То долиною ровною —
Посреди неё дуб цветёт.
1967

Монолог летописца

За Русь – родную мати,
За кровь, разор, тугу
Отмсти, отмсти, Евпатий
Проклятому врагу.

Пришли невесть откуда,
Темны, раскосы – страх,
И русскому-то люду
Не снились в чёрных снах.

Казнят младых и старых
И гонят, знай, в полон,
И гибнет Русь в пожарах,
Повсюду плач и стон.

За что напасть такая?
И вот пошла молва —
Жива ли Русь святая?
То, может, татарва

И нынче Русью правит,
Карает слепо, лжёт.
И злое иго славит,

Поклонствуя, народ.

Забыл он Божье слово,
От храма чур да чур,
Чтит идола дурного
Раскосый тот прищур.

И где же Русь, ты, мати,
Чей свет я берегу?
Так мсти же, мсти, Евпатий
Проклятому врагу!
1968

«Кнут солёный, жаровня, дыба...»

Кнут солёный, жаровня, дыба,
Да скрежещет перо дьяка.
И за то, знать, Руси спасибо,
Что стоит на этом века.

Что её – волчий взгляд Малюты,
Беспощадная длань Петра,
И гражданские злые смуты,
И советских казней пора.

Что сынов её – пуля-слава,
Вышка лагерная – судьба,
И приветствовала расправы
Раболепная голытьба.

Но сынам ли считать ушибы,
Им ли слёзы лить на Руси?
Ох, спасибо же ей, спасибо,
Спаси Бог её, Бог спаси.

1966

Декабрист

Отчизны милой Божья суть,
Я за тебя один ответчик,
Легко ли мне себя распнуть
Той, царской, площадью картечью?

Легко ли на помосте том
С петлёю скользкою на шее
Ловить предсмертный воздух ртом,
От безысходности шалея?

Легко ль в сибирских тех снегах,
В непроходимых буреломах
Знать, что затерянный мой прах
Не вспомнит, не найдёт потомок?

Легко ль провидеть, что пройдут
Года, пребудут дни лихие.
Нас вызовут на страшный суд
Дел, судебных и мытарств России,

И нашим именем трубя,
На праведном ловя нас слове,
Отчизна милая, тебя

Затопят всю морями крови.

Свободу порубив сплеча,
Безвинных истребят без счёта,
И снова юность сгоряча
Возжаждает переворота.

Легко ль нам знать из нашей тьмы,
Когда падёт топор с размаху,
Что ей пример и вера мы,
И мы же ладили ей плаху.

1966

«Народовольческую дурь...»

Народовольческую дурь
Забудь, великая держава,
Побалагань, побалагурь,
Твои ведь сила, власть и право.

Ничьё перо уж не клеймит
Устои нового порядка,
Сей грандиозный монолит
Не тронет пуля иль взрывчатка.

Нет прокламаций, баррикад,
Нет эшафота над толпою,
Пустеет грозный каземат
Над невской сумрачной водою.

Колоколам уж не греметь,
И церковь изредка маячит,
Монарх, преображённый в медь,
Навек теперь в былое скачет.

Всё, как написано в трудах
Вождей, и доводы на всё есть —
Сперва за совесть, не за страх,

Потом за страх, а не за совесть.

Зато ни штормов и ни бурь,
Хоть лагеря, расстрелы, пытки...
Что ж, не ропщи, ведь ропот – дурь.
России прошлой пережитки.

1966

«Солдатских писем ворох...»

Солдатских писем ворох,
Осиливший фронтов
Сыпняк, окопы, порох
И нравы унтеров.

Уже почти истлели,
Строку поймёшь едва,
Как бы сквозь вой шрапнели
Доносятся слова.

«Портянкам нету сносу,
Четвёртый год тяну,
Кончайте, кровь из носу,
Тыловики войну!

Измаялись проклятой,
А бабы вести шлют —
Ведь дети – не щеняты,
Все с голодухи мрут».

Трепал тогда державу
Лихой озноб разрух,
Упал орёл двуглавый,

Носились перья, пух.

В глухой неразберихе
Тех толп, очередей,
В партийной той шумихе
Плакатов и вождей,

Сквозь вопли нутряные
Солдат, сквозь плач села —
Маячили России
Грядущие дела.
1968

Народное

Раскулачили страну —
Хоть в кулак свисти,
И на ком искать вину,
Господи, прости!

Нависали над страной
Грузные усы,
Стал грузин всему виной,
Господи, спаси!

Русь в бараний рог согнул,
Страхи да суды,
Дым заводов, грохот, гул
Стройки и страды.

Всё на жилах кровяных,
На седьмом поту,
Сухарях да щах пустых,
Аж неумоготу.

Коли слово поперёк —
Умолкай в земле,
Властью был отвергнут Бог,

Идол жил в Кремле.

Ох, Россия, край-беда,
Смутен путь и крут,
И тридцатые года
За спиной встают.
1966

Памяти Ключева

Страну лихорадило в гуле
Страды и слепой похвальбы,
Доносы, и пытки, и пули
Чернели изнанкой судьбы.

Дымились от лести доклады,
Колхозника голод крутил,
Стучали охраны приклады,
И тесно земле от могил.

И нити вели кровавые
В Москву и терялись в Кремле,
И не было больше России
На сталинской русской земле.

И Ключев, пропавший во мраке
Советских тридцатых годов,
На станции умер в бараке,
И сгинули свитки стихов.

Навек азиатские щёлки
Зажмурил, бородку задрал,
И канул в глухом кривотолке,

Преданием призрачным став.

1967

Смерть Сталина

Как вкопанные, кто в слезах,
Кто в землю невидяще глядя,
На улицах и площадях
Стояли тогда в Ленинграде.

И диктора голос с утра
Над толпами гулко качался,
Стихая печально: «Вчера
Скончался... скончался... скончался...»

Темнели газеты со стен,
И флаги мрачнели, маяча,
И глухо вздымался Шопен
Среди всенародного плача.

И в зимнем пока столбняке
Стыл город и ветры блуждали,
На севере, там, вдалеке,
В бараках за проволокой – ждали.

1967

«Знаю, дней твоих, Россия...»

Знаю, дней твоих, Россия,
Нелегка стезя,
Но и в эти дни крутые
Без тебя нельзя.

Ну, а мне готова плаха
Да глухой погост
Во все дни – от Мономаха
И до красных звёзд.

И судьбины злой иль милой
Мне не выбирать,
И за то, что подарила —
В землю, исполать.

Кто за проволокою ржавой,
Кто в петлю кадык —
Вот моей предтечи славы
И моих вериг.

Не искали вскользь обхода,
Шли, как Бог велел,
И в преданиях народа

Высота их дел.

Погибая в дни лихие,
Оттого в чести,
Что не кинули, Россия,
Твоего пути.

1967

Семидесятые

В горести неизречённой
Н.Н.Б.

Горесть неизречённая

Поэма-цикл

I

Я буду объективен в каждом слове,
Пускай бывшее станет за строкой
И скажет, не боясь ни слёз, ни крови,
На призраки обид махнув рукой.

Ведь есть же что припомнить год за годом,
Была же в этой дружбе Божья весть!
Летели строки – дух не перевесть,
И город вырастал под небосводом,

А деревца на улице твоей

Вздыхали, и трамваи напоследок
Звенели нам во мгле ночных огней,
И дождик был таинственен и редок.

Припомнить ли высоких слов полёт,
О нет, не разговоры – монологи,
И то, что в грозный час произойдёт —
Припомнить ли печальные итоги...

II

По улице мы шли и заглянули
В какой-то двор, не знаю, отчего,
Как бы услышав в голубином гуле
С грядущим голосом строки родство.

Там у стены приземистой и тёмной
Желтея, деревцо тянулось ввысь,
Раскидывая ветки неуёмно,
И ты мне вдруг сказал: «Остановись.

Взгляни – вот лучшее».
И в самом деле,
Узнали будто осень мы в лицо,
А листья золочёные летели,
И медленно дрожало деревцо.

«Вот наши судьбы, наши вдохновенья —
В глухом дворе, у сумрачной стены
Возносим небесам благодаренья,
Но злато строк своих терять должны.

Кто подберёт?»

И мы ушли. И снова

Нас улицы кружили и вели,

Но я твоё навек запомнил слово,

И хмурый двор, и деревцо вдали.

III

Владиславу Ходасевичу

...Судьба поэта в каждой строчке

И точность каждой запятой,

Парижской ночи мрак пустой,

Российские лихие ночи.

На пьяных улицах свистки;

Пайки, плакаты, приговоры

И тяжесть лиры.

Кратки сборы

Из ночи страха в ночь тоски.

Но взяли мы из рук твоих,
Поэт, и злость твою и вздохи,
Тяжёлый груз ночной эпохи
И наш взвалил на плечи стих.

И сеятель недаром твой
Прошёл – зерно, пробив бетоны,
Взошло свободно строкой,
Хоть и слышны порой в ней стоны.

IV

Перекликались замыслы и звуки,
Как древние дозорные костры,
Трамваи шли в тартарары,
И звёзды падали нам в руки,
Твой белый стих в ночи белел,
Пылали церкви, и поэты
шли на расстрел,
И предрекали кровь приметы,
Катились казни по Руси,
Жестокие сбывались сроки —
Как скорбно, Господи спаси,
Перекликались наши строки!
О, как их слушала Нева,
А то вдруг площади, вокзалы,

То финский пригород, то шалый
Шум электрички лез в слова.
А помнишь, в тихом сосняке
Ты белку увидал на ветке
И ей прочёл. И впрямь, к строке
Она склонила слух свой меткий.
«Природа не враждебна нам, —
Ты мне сказал, — мы с нею вместе,
Услышав светлое известье,
Она сияет в лад стихам.
Но жалкую почуяв ложь,
Враз прячется и пропадает,
То бьёт её лихая дрожь,
То в злой озноб её кидает».
И словно бы в ответ листок
Скользнул, кружась, мелькнул и замер...
Перекликанье наших строк!
Как перестук во мраке камер...

V

О, наши ненависти, наши страсти...
Как рассказать?
Вот комната твоя,
Журнальный столик, и листы, и счастье
Совместности, и чаша нам сия.

Дверь на задвижку. Охраняют стены
От милостей родителей твоих,
О, как же наши тайны сокровенны,
И как отчаян, и как звонок стих!
Он небеса пронзает, он свергает
Твердыни зла, но друга два иль три
Его узнали...

Светофор мигает,
Дрожащие мелькнули фонари,
Последний пассажир, на эскалатор
Ступаю я, резиной пахнет гул,
А в воздухе метание метафор
И ритмов всех размашистый разгул.
О, как внезапно пели телефоны,
Как лифты обрывались в глубину!
Но и не только творчества законы
Мы знали, не поэзию одну.
Любимые нас мучили жестоко,
Пустых знакомств томила кабала.
О, нищеты и тусклых служб морока!
Но надо всем поэзия была!
Она превозмогала все напасти,
Летя к звездам с улыбкой на устах...
О, наши ненависти, наши страсти!
А за спиной уже маячил страх...

VI

И грянул гром с тяжёлой силой злобной,
Внезапно, днём весенним, поутру.
Я этот день запомнил так подробно,
Что с памятью о нём, видать, умру.
О, те шаги, заглядыванья в щели,
Те голоса пустые, взгляды те,
И всё взаправду, вьявь, на самом деле,
Не сон лихой, не строчка на листе!

Потом Литейный, зданье, что могилой
Назвать бы правильнее, кабинет,
Откуда не выходят, а на нет
Как будто сходят.
И со мной так было.
Лязг ружей. Конвоиры. Лязг ключей.
Бетонный пол. Железной койки вздрог.
О, стих мой милый – вздох души моей,
Мечты мои – и вот теперь итоги.
И ты – бетонный тот же меришь пол
Пустынными шагами, той же дрожью
Дрожит железо койки.
Он пришёл,
Наш общий час – о том и слово Божье

Нам предрекало притчей о зерне,
И о разбойниках, и об Иуде,
О том и строки пели, и во сне
Не зря метались взрывы, стоны, люди...
Припомнить ли ту лобную скамью,
Змею клевет, скользнувшую меж нами...
Тогда-то мы испили – письменами
Предсказанную чашу нам сию.
Ещё и встречи были, и слова,
И даже строки снова, как бывало,
Но каждый понимал, что миновало
То роковое, чем душа жива.

VII

В машине, в клетке той железной
Трясло, мотало нас двоих,
Как бы и впрямь, и вьявь над бездной.
И вдруг ты прочитал свой стих.

В нём город звонко и знакомо
Маячил и сводил с ума,
Сугробов белые изломы
Лепила медленно зима,

И сквозь окошко благодарно
Тебе светили купола
За тяжкий жребий твой мытарный
И светлых строк колокола.

И ты умолк, и всё, что било,
И разобщало нас, и жгло,
Перед строкой крутою силой
Во мрак беспмятный ушло.

И только золото собора
И зимний город вдалеке
Печальным отсветом укора
Мерцали мне в твоей строке.

VIII

Последняя встреча. Нары.
Параша в углу. Скамья.
Сумрак суровой кары.
В последний раз ты и я.
Как пронесу сквозь годы
Тот взгляд и тот разговор,
Потолка злые своды.
Двери, глазок в упор.
Прощай. Между нами были

Поэзия, сны души,
Тюрьмы жестокие были,
Допросов карандаши.
Прощай. Сгорело, как хворост,
Счастье, черна беда.
Неизреченная горестъ
Нам теперь навсегда.

1974

Красноярский край, пос. Курагино

«Что случилось, что же случилось...»

Что случилось, что же случилось —

С телом впрямь душа разлучилась

В ту проклятую ночь, когда

Била в колокола беда,

И железно койка скрипела,

И краснела лампа, дрожа,

А душа покинула тело —

Не увидели сторожа.

И ключи в замках громыхали,

И гудели шаги вокруг.

Чьи-то шёпоты то вздыхали,

То опять пропадали вдруг...

1974

«То украинскую мову...»

То украинскую мову,
То прибалтов слышу речь —
Тайную ищу основу,
Смысл пытаюсь подстеречь,

Слов не ведая, внимаю,
Лишь догадкой вслед бегу.
(Как бы музыка немая,
Что постигнуть не могу).

Но гляжу на эти лица,
Ярых рук ловлю разлёт,
В складке губ судьба таится,
И прищур рассказ ведёт.

От осколка шрам на шее
И в глазнице голой – тьма —
Эту речь я разумею,
Здесь творила жизнь сама.

День за днём сильнее чую
Суть её, крутой исток —
Азбуку её лихую

Нынче знаю назубок...

1970,

Мордовия

«В умывальной враз на бетон...»

В умывальной враз на бетон
Тяжко рухнул и умер он —
В сырость, грязь, окурки, плевки.
Ржавой лампы ржавая дрожь
Мрачно замершие зрачки
Осветила — страх, невтерпёж...

Как бы в них отразились вдруг
Десятилетия — за годом год
Те ж заборы, вышки вокруг,
Лай собачий ночь напролёт.

То в столовку с ложкой в руке,
То обратно шагал в барак,
И дымил махрой в уголке —
Что ни день — вот так, только так.

О свободе грезил сквозь сон
Да подсчитывал, знай, годки —
В умывальной враз на бетон
Тяжко рухнул — в сырость, в плевки.

Лгали сны — пропал ни за грош,

Кончить срок в земле суждено.
Ржавой лампы ржавая дрожь.
В неподвижных зрачках темно.
1971,
Мордовия

«Господи, Господи, Боже мой...»

Господи, Господи, Боже мой,
Некому строк прочесть,
Поведать о песне сложенной,
Подать звонкую весть.

Шепчу про себя и пестую,
Сам-друг брожу себе с ней,
Незнаемой и безвестною,
Родимую и моей.

1971,

Мордовия

«Осень зимняя. Утро ночное...»

Осень зимняя. Утро ночное.
Ярый ветер и дрожь фонарей.
Злые сны обернулись судьбою —
Что отчаянней их и верней!

Затеряться бы, спрятаться снова
В этих снах, с головой в них пропасть,
Чтоб ни слова из них, ни полслова
Не сбылось. Никакая напасть.
1970, Мордовия

«Как ты снишься отчаянно, Стрельна...»

Как ты снишься отчаянно, Стрельна!
Точно ранишь меня огнестрельно —
То шумящим с разбега заливом,
Плачем чайки и ветра порывом,
То кабиной на пляже безлюдном,
То вдруг псом вороватым, приبلудным,
То простором и шорохом парка,
Маятою вороньего карка,
Одиноким вдали пешеходом,
Торопящим строку небосводом...

1971,

Мордовия

«Осень, осень шумит в ушах...»

Осень, осень шумит в ушах,
По земле, знай, травушку стелет,
Лихо листьями каруселит.
Шорох, шелесты что ни шаг...

Прилетали уже скворцы
Напоследок, сорока машет,
Точно тростью, хвостом и пляшет,
Шлёт поклоны во все концы.

Небо сумрачное кругом,
Пахнет сыростью, гарью тянет
И печалью знакомой ранит
Об утраченном враз, о том...

Знаю горесть эту и страх...
А ветра всё злей пробирают
До костей, и листья сгорают...
Осень, осень шумит в ушах...

1970,

Мордовия

«Сновиденья мои ночные...»

Сновиденья мои ночные,
Душу ранящие до дна,
Словно снова вижу Россию
Из столыпинского окна.

Словно снова голые нары,
Горечь пайки да злость ментов,
Да вагона вздрог, удары,
Паровоза утробный зов.

А России разбег короткий,
Деревушки и деревца
Сквозь решётки да сквозь решётки,
Ни начала и ни конца.

1978

«Кончается, кончается, кончается...»

Кончается, кончается, кончается
Последний год из тех шести годов,
А как вначале было не отчаяться,
Когда проклятый скрежетал засов?

И койка всё безвыходнее вздрагивала,
И всё привычнее был звяк ключей,
И всё верней воронка та затягивала,
В которой сам не свой да и ничей.

Кончается, да только память хваткая
То мукой отзовётся, то виной,
То милою погибшею тетрадкою,
То с другом пересылкою ночной.

Кончается, да только сон обрывистый
Присвистнет надзирательским свистком,
Или несём парашу и не вынести,
И что-то там ещё, ещё потом...

1975

«Где корки хлеба да объедки...»

Где корки хлеба да объедки
Баланды в бочках, что ни день,
Не молкнет птичья дребедень —
Как в развесёлой оперетке,
Танцуют, скачут, говорят,
Посвистывают, напевают,
То вразнобой, то все подряд,
То ссоры, драки затевают,
Безостановочно клюют,
Взлетают и опять садятся.
А, может, о цене рядятся?
Знай, покупают, продают?
На этой ярмарке народ
Всё тот же – воробы, сороки,
Чей хвост трубой, а руки в боки.
Синицы пляшут взад-вперёд,
Ворона, мелкий люд спугнув,
Усядется, кусок послаще
И пожирнее схватит в клюв,
И, глядь, мелькает где-то в чаще...
И так все дни, и месяца,
И годы – тот же свист и говор,
Едва плеснёт отбросы повар,

И нету этому конца...

1973,

Мордовия

Лене

Вышла замуж за тюрьму
Да за лагерные вышки —
Будешь знать не понаслышке —
Что, и как, и почему.

И в бессоннице глухой,
В одинокой злой постели
Ты представишь и метели,
И бараки, и конвой.

Век двадцатый – на мороз
Марш с киркой, поэт гонимый!
Годы «строгого режима»:
Слово против – дуло в нос.

Но не бойся – то и честь,
И положено поэту
Вынести судьбину эту,
Коль в строке бессмертье есть.

Только жаль мне слёз твоих
И невыносимой боли
От разлучной той недоли,

От того, что жребий лих.

1970,

Тюрьма КГБ, Литейный, 4

Сон

Море злое, белый прибой,
Ярый грохот, дальний раскат,
На песке мы одни с тобой,
Я во сне и тому-то рад.

Пена жадная с лёту бьёт,
Как пустынно, дико вокруг!
Хоть бы чайки плач и полёт
Иль бездомного пса испуг...

Никого. Мы одни с тобой.
Мы прижались плечом к плечу.
Море злое, белый прибой...
Я иной судьбы не хочу.

1971,

Мордовия

«Обними меня крепче...»

Обними меня крепче.

Приди

В мои сны.

Ты сумеешь ли это?

Снится мне у тебя на груди

Сон про город и холод рассвета.

Слышу голос знакомый без слов,

Вижу взгляд роковой и наивный.

Ты пришла, ты слышала зов,

Мы с тобой и во сне неразрывны.

1973

«Душа устала. Сникли строки...»

Душа устала. Сникли строки,
Тоска не сгинет ни на час,
И снова женские упрёки
Казнят – уже в который раз.

От их жестокости упрямой
Не убережься всё равно,
Когда судьбой и кровью самой
Неотделимы вы давно.

И вновь глаза заглянут в очи,
И шёпот скажет обо всём,
И заблестят глухие ночи
Златым Зевесовым дождём.
1973

«Только видеть тебя...»

Только видеть тебя,
держать твою руку в своей,
И пусть носит метро,
пусть автобусы скачут,
И маячит прощальное золото
дальних церквей,
Дни и ночи маячит.

Только видеть тебя,
держать твою руку в руке
И иссохшимся ртом
хватать воздух внезапный и шалый.
Это было
и светит ещё на листке —
Только видеть тебя —
о, Господи Боже, так мало...
1977

Переговорный пункт

То Петропавловск на Камчатке,
То Брянск, то Киев, то Москва —
О, как пронзительны и кратки
Все торопливые слова!

Но в той кабине полутёмной,
К мембране жадно прислонясь,
Страны невиданно огромной
Невидимую чуешь связь.

Сквозь выкрики телефонистки,
Сквозь семафоры, шпалы, дым —
Родимый, дальний голос близкий
Здесь, въявь, наедине с твоим.
1975

«В Сибири татарским прозванием...»

В Сибири татарским прозванием

То речка звенит, то сельцо,

Раскосым лихим зазываньем

Пахнёт, как пожаром в лицо.

Ударит о берег Тубою,

Тобратом на горы взбежит,

Тайгою, как древней ордою,

В ночи загудит, задрожит.

1974, Курагино

«Река встаёт и громоздится...»

Река встаёт и громоздится,
Белея медленно кругом,
И лишь у берега дымится
Вода и лезет напролом.

К ней по истоптанному спуску
Идут, сбегаят второпях,
И веет стариною русской
От коромысла на плечах.

Виденье призрачной эпохи,
Что разве в сердце и жива,
И вёдра тихие, как вздохи,
Качаются едва-едва...

1973,

Курагино

«Деревеньки мои, деревушки...»

Деревеньки мои, деревушки —
Коромысла весёлого дужки,
А уж вёдрам и шатко, и зыбко,
В каждом солнце играет, как рыбка.

Деревушки мои, деревеньки,
На завалинке старушки-стареньки,
А над рекой то березник, то ельник,
А на плоту Иван Гладких да брательник...

1975

«Дрожью быющие туманы...»

Дрожью быющие туманы,
Шатких листьев вороха,
И хозяйка утром рано
Зарубила петуха.

После куры кровь клевали,
Клочья пуха и пера,
Осень отливала сталью
Брошенного топора.

1974,

Курагино

«Здравши хвост, телёнок скачет...»

Здравши хвост, телёнок скачет,
Трава на солнце вновь блестит,
И с курами петух толмачит,
И лёд по речке шелестит.

И лодку сталкивая в воду,
Свой наготове шест держа,
Рыбак кричит мне про погоду,
Про льдины, что плывут, кружа.

1973,

Курагино

«Сегодня утром лист пошёл...»

Сегодня утром лист пошёл —
По всей тайге, куда ни глянешь,
Слетает осени в подол
Медь, золото, баgreц, баgreнец.

И речка ловит на ходу
И гонит вдаль напропалую
Свою добычу золотую
У всех деревьев на виду.

И под ногами впрямь горит
Земля медлительно и пышно,
И каждый шелест говорит
Так явственно, что всюду слышно.
1974,

Курагино

«Я сослан к вам, леса притихшие...»

Я сослан к вам, леса притихшие
И шелестящая река,
К вам, дальние луга, постигшие
Коровий звон и рёв быка.

К вам, горы, полукругом брошенные
И убегające вниз,
Да к вам, избышки перекошенные,
Что у забора собрались.

Брожу по берегу отлогому,
По долгим улицам села,
В глаза святому лику строгому
Гляжу сквозь сумерки стекла.

А небо тёмное разостлано
В ночи, в пылани звёздных стай,
И звёзды те же, словно сосланы
Со мною вместе в этот край.

1973,

Курагино

«Перестал ходить паром...»

Перестал ходить паром,
Обивает снег пороги,
Баба тыкву на пороге
Рубит длинным топором.

Сыплет семечки на печь,
Разгораются уголья,
Пересыпанная солью
Русская играет речь.

А за окнами бело,
В белом крыши и заборы
И далёкие просторы,
Где вчера ещё мело.
1973,

Курагино

«По Тубе пошла шуга...»

По Тубе пошла шуга,
По судьбе пошла туга,
И парому не пройти,
И до дому нет пути,
Уплывает хмурый лёд,
Убывает птичий лёт,
И снега кругом, снега.
По Тубе пошла шуга...

1974,

Курагино

«Маетный запах бензина...»

Маетный запах бензина.
Окрик вороний скрипуч,
В снежных заплатах равнина
Никнет под тяжестью туч.

Бродят столбы, как слепые,
Крепко держа провода,
Глушь деревенской России.
Будто в былые года.

Даже трусит, знай, лошадка,
Машет возница кнутом,
Пляшут избушки вприсядку,
Тесно толпятся гуртом.

Словно бы не бывало
Бурь, разметавших страну,
И не она погибала,
Перемогая войну.

В том-то, видать, вековая
Правда, судьбы её суть —
Не погибать, погибая,

С давних путей не свернуть.

Только столбов вереница.

Запах бензина вокруг —

Нынешних дней небылица,

Нового времени дух...

1978

«И что нам Блок, когда б не строки...»

И что нам Блок, когда б не строки?
Шут, неврастеник, манекен,
Семейные дурные склоки,
Слепая жажда перемен.

И этот голос монотонный,
И безысходные глаза,
Когда бы на страну с разгону
Вдруг не обрушилась гроза,

Когда бы не сбылись все сроки
Его пророчеств на Руси —
На что нам Блок? И что нам в Блоке?
От бед своих Господь спаси...
1978

«Приснился вождь былых времён...»

Приснился вождь былых времён,
Таинственно и странно было.
Я точно знал, что умер он,
И помнил, где его могила.

– Вы живы? Что произошло?
В газете я читал заметку...
– Газета, знаете ль, трепло, —
Ответил он с усмешкой едкой.

– Но памятник могильный, но
Тот скульптор, с ним едва не драка...
Он удивился, – Вот смешно.
Тот самый! Надо же, однако...

И вдруг растаял, вдруг исчез,
Как будто и в помине не был,
Как призрак или, может, бес,
России роковая небыль.

А я остался наяву
Читать в газетах некрологи,
На ус наматывать молву

И сны разгадывать в итоге.

1978

«Про зиму: «Вновь снегами дарит»...»

Про зиму: «Вновь снегами дарит»,

Про осень: «Рыжая лиса

Метёт хвостом, ушами шарит,

С того и шелестят леса».

Как небо, поле, время года,

Бурлящей речки быстрота —

Так сокровенна и чиста

Родная речь в устах народа.

1974,

Курагино

А.И.Солженицыну

Услышишь русское словцо
Былой еще закваски,
И словно бы пахнёт в лицо
Дыханьем давней сказки.

Там лес дремучий до небес,
Изба на курьих лапах.
И вой: «Кого попутал бес.
Людской я слышу запах!»

Но воин славное копье
Вознёс над силой адской:
«Молчи, проклятый! Не твоё!
Зазря зубами клацкай.

Над вашей злобой верх возьму,
Осилю все зароки,
Не век, видать, вам править тьму,
Уже подходят сроки».

А злоба тоже не слаба,
Палит огнём и ядом.
И смотрит страшная изба

Кровавым мутным взглядом.

Но не сдаётся богатырь.

Сражается отважно,

За ним России даль и ширь.

А с ней ему не страшно.

1976

«Далёкие тасую страны...»

Далёкие тасую страны,
Как фокусник колоду карт,
Смешав британские туманы
И монте-карловский азарт.

И перекинув мост Риальто
В Канберру или Веллингтон,
Я этим небывалым сальто
Ничуть в душе не удивлён.

Качусь, как перекати-поле —
Кто подберёт, куда прильёт...
Резон ли перекатной голи
Загадывать что наперёд?

Чужая речь, чужие лица,
Чужой истории черты,
Былое чудится и снится,
Строкой ложится на листы.

Зато строке препоны нету,
И нет над нею топора,
Она летит по белу свету,

Куда несут её ветра.

И уши слушают чужие,
Как в горести глухонемой
Безумно сетует Россия,
Тоскуя по себе самой.
1978

«О, родные письма...»

О, родные письма!
Стройный лёт строки скрижальной.
Кто я вам? И чья вина?
Дай ответ, мой предок дальний.

В злом египетском плену,
На реках ли вавилонских,
В жалобах низкопоклонских
Мне искать твою вину?

Иль в повстанце древнем том,
Что за родину и веру
Встал стеной легионеру?
В пепле храма ли святом?

Или брошенного в ночь
Униженья и изгнанья
Осудить за все страданья?
В ступе злобы истолочь?

...А таинственную вязь
Не пойму без перевода...
Голос моего народа...

Где она – меж нами связь?

Но летят в лицо опять

Поношенья и угрозы...

Та же кровь и те же слёзы,

Та ж стезя – за пядью пядь...

1970,

Мордовия

Овидий

Все униженья выпиты до донышка,
Бушуй, ополоумев, понт Эвксинский,
Прочь уноси несчастное судёнышко
От роскоши, красы и славы римской!

Прочь уноси мой голос опозоренный,
Солёную латынь поэм гонимых —
Сияет в ней зовущий и лазоревый
Взор молодости, взор подруг любимых.

И в миг один всё стало дальним, прожитым,
Пугающим, из памяти нейдущим,
О, моря гром – с моим ты слился ропотом,
Как прошлое моё с моим грядущим!

О, грохочи, не умолкай – мне чудится —
Всё повторяешь тех поэм раскаты,
И значит, ничего не позабудется
В игре времён – ни строки, ни утраты...

1974

«Туман над заливом. Набрякли веки...»

Туман над заливом. Набрякли веки.
Чайки и лодки. Пляж. Деревца.
И всё бесконечно, и всё навеки,
И ни начала и ни конца.

Необратимость. Неразрешимость.
Спрятанность солнца. Призрачность дня.
Вечность как вечная необходимость.
Вечность, что в двух шагах от меня.

1978

«Год замешательства...»

46-й год до н. э. в древнем Риме называли «годом замешательства», ибо в нём было 445 дней.

Год замешательства.
Календаря обломки.
Как жить без времени?
Кто предки, кто потомки?
Где настоящее и будущее где?
Былое чудится кругами на воде...
Слепоего неба страх.
Закаты и восходы,
Смятенье звёзд, луны.
Беспамятство природы.
Меж тем на улицах звон,
топот беготни
И крики ярые:
«Отдай нам наши дни!»
Но время кончилось в тот год,
во тьме пропало,
И не вернуть,
и ни конца, и ни начала.
1971,
Мордовия, лагерь

«А когда вспоминается детство...»

А когда вспоминается детство —
Под Уфою бараки в снегу —
Никуда от печали не деться,
И хотел бы – вовек не смогу.

Завывала пурга-завируха,
В репродуктор ревела война,
И преследовала голодуха
Год за годом, с утра до темна.

И ни сказки забавной и звонкой,
Ни игрушек – весёлой гурьбой —
Жизнь пугала чужой похоронкой,
Заводской задыхалась трубой.

Пахло холодом и керосинкой,
Уходил коридор в никуда,
И в усталой руке материнской
Всё тепло уместалось тогда.

1977

«Отталкивая пятками медуз...»

Отталкивая пятками медуз
И на волне вздымаясь то и дело,
Вверяю морю осязаемый груз
Земного человеческого тела.

А над собою вижу небосвод
И в этот миг ему вверяю душу,
И медленный прилив меня несёт
Туда, откуда я пришёл – на сушу.

На призрачную твердь земной коры,
Где каждый шаг весомей с каждым годом,
Где все живём, не ведая поры
Разлуки с морем и с небесным сводом.
1976

«О чём бормочешь, парк старинный Стрельнинский...»

О чём бормочешь, парк старинный Стрельнинский,
И чем сегодня встретишь ты меня?
Деревья одиноки, как отшельники,
Скрипят и стонут, ветви вниз клоня.

Залив застыл. Припорошило трещины
Тяжёлого приземистого льда,
У берега ещё следами меченый,
Белея, он уходит в никуда.

А в парке занесло траву усталую
От холодов и оттепелей враз,
И только слышно перебранку шалую
Ворон, схлестнувшихся в который раз.

И пни торчат, и голый куст качается,
И палых листьев куча на виду,
И ни душа живая не встречается,
Покуда по дорожкам я бреду.

1975

«В конце глухого ноября...»

В конце глухого ноября
Запуталась в траве пороша,
И ветер, холодом бодря,
А то вдруг воробья взъероша,
Гудел, замётывал следы,
Застывшие, канавки, лужи,
Выл в трубах обещањем стужи —
Наградой за свои труды.
В лесу все выходы-ходы
Снежок маскировал умело,
Лишь старой памятью силён
Тропинкой лиственной, белой
Шуршал мой шаг... Со всех сторон
Пни в изморози да седые
Болотца льдистые – ногой
Чуть ступишь, слышен хруст. Пустые
Черны деревья. Тишь. Покой.
А мне ноябрьской строкой
Поэзия стучится в двери,
И я, ещё себе чужой,
В былые весь уйдя потери,
Боюсь поверить ей, но верю
И снова чувствую судьбой...

Вороний окрик вдалеке,
Пустынный гул аэродромный.
Кругом оживший мир огромный.
О, как вместить его в строке!

«В этом веке я так же случаен...»

В этом веке я так же случаен,
Как в египетских «тёмных веках»,
Бедный житель стандартных окраин —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.